

Моня-знаменосец / рассказ

Category: Некаўалар, Кітарсу

напісана кітарсу | 26 января, 2025

Моня-знаменосец / рассказ МОНЯ-ЗНАМЕНОСЕЦ

Вы бы видели, с каким чувством самоуважения Полина Марковна включала утюг. А почему бы и нет? Завтра ее Монечка на ноябрьской демонстрации несет главное школьное знамя. Неглавное может взять любой хорошист или даже троечник. Но главное!.. Это только круглый отличник. А ее сынулька, ее кровиночка, ее гордость именно такой.

Учитель физики Борис Ефимович Кац как-то сказал ей:

– Да это же светлая голова. Если бы можно было дать ему шесть или там семь, то я бы их дал. Что такое для Монечки пятерка, если Маечке Кауфман я тоже ставлю пять, но это же день и ночь. Мадам Лившиц, кто тут день, вам объяснять надо? Вы же умная женщина.

Несмотря на технический профиль предмета, Кац умел расслабить комплиментом.

Так вот сейчас эта самая умная женщина делала все возможное, чтобы ее умный Монечка завтра выглядел достойно. Чтобы стоя в толпе, она могла сказать любому и каждому:

– Видите красивого мальчика с главным флагом? Так это мой сын. Идет на золотую медаль.

Кстати, про нее она умудрялась напомнить в контексте любого разговора. Даже если речь, скажем, шла о мариновании грибов. Будто если Монечка “идет на медаль”, то качество маринада должно быть значительно лучше.

...Как долго не тянулась ночь, но утро наступило. А вот уже и сам революционный “парад” 1954-го года. Дату рекомендуем запомнить – это очень важно. Разве мы не живем в стране, где так много зависит от политической погоды на дворе? Где утро не по вашей воле могло наступить совершенно в другом месте. Где нарушались если не фенологические, то социальные закономерности.

А что такое 1954-й год? Сталин больше года как умер, а

сталинизм живет. Как и его друг ленинизм, претендуя на роль самого живучего. Кто-кто, а Моня с мамой в этот день почувствовали его живучесть. И ведь как хорошо все начиналось! Ну кто рискнул бы предположить, что у беды будет урологический подтекст. Вдруг оказалось: и отличники могут захотеть писать в самое неподходящее для этого время. Если окрепшие руки потенциального медалиста Мони Лившица трепетно и уверенно сжимали древко главного школьного стяга, то мочевого пузырь повел себя так подло.

Долго боролись в отличнике Моне чувство долга и физиологическая потребность. Где-то ближе к завершению демонстрации именно она одержала чистую победу по очкам. Применительно к ситуации, по “очку”, которого юноше сейчас так не хватало.

В конце концов наступил тот момент, когда человек, исчерпав все ресурсы сопротивления, говорит себе: “Все, хватит... Пусть лучше совесть “лопнет”, чем мочевого пузырь”.

Не уверен, что ход размышлений местечкового вундеркинда был именно таким, но все последующие его действия отличала удивительная ЦЕЛенаправленность, ЦЕЛЬ – школьный клозет. Благо он, как и школа, рядом с поселковым парком, вокруг которого, словно хоругви, и носили знамена удостоенные такой чести старшеклассники.

И теперь вот некоторые из них со знаменами наперевес, будто наперегонки, мчались к школьному “многоочковому” туалету с незамысловатой деревянной архитектурой.

А впереди всех, нарушая все чапаевские требования по местонахождению лидера во время атаки, мчался никто иной, как отличник и гордость школы Моня Лившиц.

Прочно пристроив между досками и рейкой знамена, портреты на тонких высоких рейках, ребята полностью отдались процессу. Можно даже сказать, что радостно. Уж на что велик авторитет великого философа Иммануила Канта, но и тот считал свободное мочеиспускание одним из сладостных человеческих удовольствий.

Видимо, оно и на этот раз было столь велико, что “опорожненные” юноши напрочь забыли о драгоценном грузе, с таким партийным трепетом выданном накануне школьным завхозом

Никифором Ахрамейко.

И когда минут через двадцать и без того всегда мрачный, вечно чем-то озабоченный директор школы Степан Поликарпович Ракитский возымел такую же проблему, то внутри у него все похолодело. Над школьным галюном, с двух сторон окруженное портретами Ленина, Сталина, Хрущева и Дзержинского, под порывами резкого осеннего ветра гордо реяло огромное полотнище красного знамени. Ну прямо тебе крейсер “Варяг”, который не только не сдается врагу, но и открыто заявляет о своей политической ориентации.

А на дворе, вспомните, 1954-й год. Кое-кто еще 1937-го не забыл, и недавнее “дело врачей-евреев”, возымевших желание угробить вождя. И вдруг такое сионистское гнездо в обыкновенной средней школе. Как бы “делом учителей” не запахло, несмотря на их явное славянское происхождение.

Поэтому комсомольское собрание было проведено сразу после праздников. Предмет разговора – идеологическая незрелость. Объект его – Моня Лившиц и примкнувшие к нему.

Тональность мероприятия – истерия организатора и коллективный “одобрямс”. Самой частой в устах директора, напярившего на себя маску прокурора Вышинского, была фраза: “Мы не позволим!” Оставалось непонятным, что именно: мочиться или делать то же самое под шорох пролетарских знамен? Главный свидетель кощунства, давясь кадыком, чуть ли свой язык не проглатывал от негодования.

В результате – коллективное “фе” и строгий выговор. Умная Полина Марковна, в чем физик Кац был безусловно прав, в тот же вечер в постели горячо доказывала мужу (разве ум не подтверждается выбором места?):

– Сема, в этой школе мальчику медали не дадут... Надо что-то делать!

И когда еврей слышит, что надо “что-то делать”, он делает это! Иначе был бы уже немножечко не евреем.

Так Монечка очутился в другой школе, где туалет не напоминал ему о недавнем конфузе. Что же касается пятерок, то где им деться, если у парня такая голова.

Поэтому уже на весенней майской демонстрации Полина Марковна

опять кому-то гордо и радостно шептала в толпе:

– Вы видите того красивого мальчика? Так это мой Моня, и он таки идет на медаль. А то, что у него в руках нету флага, так уже хватит одного горя... Пусть другие носят.

Медаль таки мальчику дали. Потом были и университет, и научно-исследовательский институт... А вот чего не было, так это знамен, которые Моня, он же Наум Семенович Лившиц, никогда в руки не брал. Видимо, боялся позывов в туалет.

А потом и вообще “грянула” хрущевская оттепель, когда всякие взаимоотношения с мочевым пузырем предельно упростились. Впрочем, как и с жизнью вообще. Neкаýalar